

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

Родился 21 декабря 1952, Москва. Известный русский поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Лауреат премий «Антибукер», Малая Букеровская, «Северная Пальмира», Аполлона Григорьева, «Поэт». Стихи Сергея Гандлевского переводились на английский, французский, немецкий, итальянский, голландский, венгерский, финский, польский, литовский, хорватский, сербский, болгарский, турецкий, китайский и японский языки.

Сергей Гандлевский представлен в номере подборкой своих избранных стихотворений. Поэзия этого большого мастера давно уже не нуждается в каких-либо анонсах. Чтение Гандлевского это всегда и изрядное эстетическое удовольствие, и благодарный труд со-размышления над теми значимыми, сущностными смыслами, которые придают лирике поэта глубокое экзистенциальное звучание, и, конечно, удивительные моменты со-чувствия, со-переживания и, если угодно, со-проживания каждого поэтического текста.

При прочтении стихов Гандлевского неизменно возникает ощущение достоверности, подлинности и значимости поэтического высказывания. При всей ироничности и самоиронии, которыми пронизана его лирика. Есть редкие авторы, поэзия которых неразделима с их человеческой судьбой. Может быть, именно это и придаёт поэзии Гандлевского такую силу и притягательность.

О. Г.

* * *

До колючих седин доживу
И тогда извлеку понемножку
Сотню тысяч своих дежавю
Из расколотой глиняной кошки.
Народился и вырос большой,
Зубы резались, голос ломался,
Но зачем-то явился душой
Неприкаянный облик романса.
Для чего-то на оклик ничей
Зазывала бездомная сила
И крутила, крутила, крутила
Чёрно-белую ленту ночей.
Эта участь – нельзя интересней.
Горе, я ли в твои ворота

Не ломился с юродивой песней,
Полоумною песней у рта!

* * *

Есть в растительной жизни поэта
Злополучный период, когда
Он дичится небесного света
И боится людского суда.
И со дна городского колодца,
Сизарям рассыпая пшено,
Он ужасною клятвой клянётся
Расквитаться при случае, но

Слава Богу, на дачной веранде,
Где жасмин до руки достаёт,
У припадочной скрипки Вивальди
Мы учились полёту – и вот
Пустота высоту набирает,
И душа с высоты пустоты
Наземь падает и обмирает,
Но касаются локтя цветы...

Ничего-то мы толком не знаем,
Труса празднуем, горькую пьём,
От волнения спички ломаем
И посуду по слабости бьём.
Обязуемся резать без лести
Правду-матку, как есть напрямик.
Но стихи не орудие мести,
А серебряной чести родник.

* * *

Мы знаем приближение грозы,
Бильярдного раскатистого треска –
Позвякивают вёдра и тазы,
Кликушествует злая занавеска.
В такую ночь в гостинице меня
Оставил сон и вынудил к беседе
С самим собой. Педалями звеня,

Горбун проехал на велосипеде
В окне моём. Я не зажёл огня.
Блажен, кто спит. Я встал к окну спиной.
Блажен, кто спит в разгневанном июле.
Я в сумерки вгляделся – предо мной
Сиделкою душа спала на стуле.
Давно ль, скажи, ты девочкой была?
Давно ль провинциалкой босоногой
Ступни впервые резала осокой,
И плакала, и пела? Но сдала
И, сидя, спишь в гостинице убогой.
Морщинки. Рта порочные углы.
Тяжёлый сон. Виски в капли пота.
И страшно стало мне в коробке мглы –
Ужели это всё моя работа!
С тех пор боюсь: раскаты вдалеке
Поднимут за полночь настойчиво и сухо –
На стуле спит усталая старуха
С назойливою мухой на щеке.
Я закричу, умру – горбун в окне,
Испуганная занавесь ворвётся.
Душа вздрогнёт, медлительно очнётся,
Забудет всё, отдаст усталость мне
И девочкой к кому-нибудь вернётся.

* * *

Ржавчина и желтизна – очарованье очей.
Облако между крыш само из себя растёт.
Ветер крепчает и гонит листву взащей,
Треплет фонтан и журнал позапрошлых мод.

Синий осенний свет – я в нём знаю толк как никто.
Песенки спетой куплет, обещанный бес в ребро.
Казалось бы, отдал бы всё, лишь бы снова ждать у метро
Женщину 23-х лет в длинном чёрном пальто.

* * *

Среди фанерных переборок
И дачных скрипов чердака

Я сам себе далёк и дорог,
Как музыка издалека.
Давно, сырым и нежным летом,
Когда звенел велосипед,
Жил мальчик – я по всем приметам,
А, впрочем, может быть, и нет.
– Курить нельзя и некрасиво...
Всё выше старая крапива
Несёт зловещие листы.
Марина, если б знала ты,
Как горестно и терпеливо
Душа искала двойника!
Как музыка издалека,
Лишь сроки осени подходят,
И по участкам жгут листву,
Во мне звенит и колобродит
Второе детство наяву.
Чай, лампа, затеррасный сумрак,
Сверчок за тонкою стеной
Хранили бережный рисунок
Меня, не познанного мной.
С утра, опешивший спросонок,
Покрыв рубашкой удобу,
Под сосны выходил ребёнок
И продолжал свою судьбу.
На ветке воробей чирикал –
Господь его благослови!
И было до конца каникул
Сто лет свободы и любви!

матери

I

Говори. Что ты хочешь сказать? Не о том ли, как шла
Городскою рекою баржа по закатному следу,
Как две трети июня, до двадцать второго числа,
Встав на цыпочки, лето старательно тянется к свету,
Как дыхание липы сквозит в духоте площадей,
Как со всех четырёх сторон света гремело в июле?
А что речи нужна позарез подоплёка идей
И нешуточный повод – так это тебя обманули.

II

Слышишь: гнилью арбузной пахнул овощной магазин,
За углом в подворотне грохочет порожняя тара,
Ветерок из предместий донёс перекличку дрезин,
И архивной листвою покрылся асфальт тротуара.
Урони кубик Рубика наземь, не стоит труда,
Все расчеты насмарку, поешь на дожде винограда,
Сидя в тихом дворе, и воочью увидишь тогда,
Что приходит на память в горах и расщелинах ада.

III

И иди, куда шёл. Но, как в бытность твою по ночам,
И особенно в дождь, будет голою веткой упрямо,
Осязая оконные стёкла, программный анчар
Трогать раму, что мыла в согласии с азбукой мама.
И хоть уровень школьных познаний моих невысок,
Вижу как наяву: сверху вниз сквозь отверстие в колбе
С приснопамятным шелестом сыпался мелкий песок.
Немудрящий прибор, но какое раздолье для скорби!

IV

Об пол злостью, как тростью, ударь, шельмовства не тая,
Испитой шарлатан с неизменною шаткой треногой,
Чтоб прозрачная призрачная распустилась струя
И озоном запахло под жэковской кровлей убогой.
Локтевым электричеством мебель ужалит – и вновь
Говори, как под пыткой, вне школы и без манифеста,
Раз тебе, недобитку, внушают такую любовь
Это гиблое время и Богом забытое место.

V

В это время вдовец Айзенштадт, сорока семи лет,
Колобродит по кухне и негде достать пипольфена.
Есть ли смысл веселиться, приятель, я думаю, нет,
Даже если он в траурных чёрных трусах до колена.
В этом месте, веселье которого есть питье,
За порожнюю тарой выдавшие виды ребята
За Серегу Есенина или Андрюху Шенью
По традиции пропили очередную зарплату.

VI

После смерти я выйду за город, который люблю,
И, подняв к небу морду, рога запрокинув на плечи,
Одержимый печалью, в осенний простор протрублю
То, на что не хватило мне слов человеческой речи.
Как баржа уплывала за поздним закатным лучом,
Как скворчало железное время на левом запястье,
Как заветную дверь отпирали английским ключом...
Говори. Ничего не поделаешь с этой напастью.

* * *

чтобы липа к платформе вплотную
обязательно чтобы сирень
от которой неделю-другую
ежегодно мозги набекрень
и вселенная всенепременно
по дороге с попойки домой
раскрывается тайной мгновенной
над садовой иной головой
хорошо бы для полного счастья
запах масляной краски и пусть
пошумит городское ненастье
и т. д. и т. п. наизусть

грусть какая-то хочется чтобы
смеха ради среди белого дня
дура-молодость встала из гроба
и на свете застала меня
и со мною ещё поиграла
в ту игру что не стоила свеч
и китайская цацка брэнчала
бесполезная в сущности вещь

* * *

Я был зверком на тонкой пуповине.
Смотрел узор морозного стекла.
Так замкнуто дышал посередине
Младенчества, медвежьего угла.

Струилось солнце пыльной полоской.
За кругом круг вершила кровь во мне.
Так исподволь накатывал извне
Времён и судеб гомон вавилонский,
Но маятник трудился в тишине.

Мы бегали по отмелям нагими –
Детей косноязычная орда –
покуда я в испарине ангины
Не вызубрил твой облик навсегда.
Я телом был, я жил единым хлебом,
Когда из тишины за слогом слог
Чудное имя Лесбия извлёк,
Опешившую плоть разбавил небом –
И ангел тень по снегу поволок.
Младенчество! Повремени немного.
Мне десять лет. Душа моя жива.
Я горький сплав лимфоузлов и Бога –
Уже с преобладаньем божества...

...Утоптанная снежная дорога.
Облупленная школьная скамья.
Как поплавок, дрожит и тонет сердце.
Крошится мел. Кусая заусенцы,
Пишу по буквам: «Я уже не я».
Смешливые надёжные друзья –
Отличники, спортсмены, отщепенцы
Печалются. Бреду по этажу,
Зеницы отверзаю, обвожу
Ладонью вдруг прозревшее лицо,
И мимо стендов, выпелов, трапещий
Я выхожу на школьное крыльцо.

Пять диких чувств сливаются в шестое.
Январский воздух – лезвием насквозь.
Держу в руках, чтоб в снег не пролилось,
Грядущей жизни зеркало пустое.

* * *

Без устали вокруг больницы
Бежит кирпичная стена.

Худая скомканная птица
Кружит под небом дотемна.
За изгородью полотняной
Белья, завесившего двор,
Плутает женский гомон странный,
Струится лёгкий разговор.
Под плеск невянтицы беспечной
В недостопамятные дни
Я ощутил толчок сердечный,
Толчку подземному сродни.
Потом я сделался поэтом,
Проточным голосом – потом,
Сойдясь московским ранним летом
С бесцельным беличьим трудом.

.....
Возьмите всё, но мне оставьте
Спокойный ум, притихший дом,
Фонарный контур на асфальте
Да сизый тополь под окном.
В конце концов, не для того ли
Мы знаем творческую власть,
Чтобы хлебнуть добра и боли –
Отгоревать и не проклясть!

* * *

Сотни тонн боевого железа
Нагнетали под стены Кремля.
Трескотня тишины не жалела,
Щекотала подошвы земля.

В эту ночь накануне парада
Мы до часа ловили такси.
Накануне чужого обряда,
Незадолго до личной тоски.

На безлюдьи под стать карантину
В исковерканной той тишине
Эта полночь свела воедино
Всё, что чуждо и дорого мне.

Неудача бывает двуликой.
Из беды, где свежают сердца,
Мы выходим с больною улыбкой,
Но имеем глаза в пол-лица.

Но всегда из батального пекла,
Столько тысяч оставив в гробах,
Возвращаются с привкусом пепла
На сведённых молчаньем губах.

Мать моя родила ребёнка,
А не куклу в гремучей броне.
Не пытайте мои перепонки,
Дайте словом обмолвиться мне.

Колотило асфальт под ногою.
Гнали танки к Кремлевской стене.
Здравствуй, горе моё дорогое,
Горстка жизни в железной стране!

Кирилл Василёнок. «Осенний натюрморт».

Вероника ДОЛИНА

Родилась 2 января 1956 года в Москве. В 1979 году окончила Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, получив профессию учителя французского языка. С 1971 года начала писать песни и исполнять их, аккомпанируя себе на шестиструнной гитаре. С 1987 году член Комитета московских драматургов. Первый сборник стихов вышел в том же году в Париже. В 1989 году фирма «Мелодия» издала компакт-диск Вероники Долиной «Элитарные штучки». На сегодняшний день у Долиной выпущено более 10 поэтических сборников, 9 виниловых дисков, более 20 компакт-дисков. В 2005 году ей была присуждена литературная премия «Венец».

Подборка новых стихотворений Вероники Долиной в который раз подтверждает и утверждает, что перед нами поэт, обладающий неповторимой доверительной интонацией. Её поэтический голос – то трогательный, то пронзительный, то ироничный, всегда узнаваем. Это голос поэта, являющего потрясающее равнодушие и участие, но не к абстрактному человечеству или человеку, а к отдельной человеческой душе и судьбе. Да, собственно, речь о равнодушии и любви не только к человеку, ближнему или дальнему, но и к самой жизни, к её «малостям» и подробностям, к странам и городам, к братьям нашим меньшим...

И что самое ценное, это равнодушие не только и не столько примета стиля, особенность поэтики, оно происходит откуда-то из самой сердцевинной и сокровенной сути этого удивительного поэта.

О. Г.

НЕВИННЫЙ КАДРУС

11.9.2018

Такое заметила дело,
Когда испарился туман...
Как прежде-то не разглядела:
Меня не хранит талисман.
Не хочет – не может – не терпит.
И, сколько себя ни жалею –
Все жёстче судьба меня лепит.
Ни кумушек, ни королей
Ко мне она не допустила.
Лишь книги с собою дала.
И жалованье не платила,
А все же налоги брала.
И, как я в пути не цеплялась
За поручни, за стремяна –

Она как металл раскалялась.
В любые мои времена
Нельзя было тронуть, и точка –
Ни крест, ни петлю, ни звезду.
Их бархатная оболочка
Растаяла в дальнем году,
Когда я сошла со ступенек,
С гитарой, легка как стрела.
Металла – один наколенник.
А шея свободной была.

11.9.2018

Мышь несёт свой узелок,
Под порогом прячет.
Так и ты тащи, милоч.
Ничего не значит,
Что жёстка твоя постель,
Что длинна дорога.
До того, чего хотел –
Не дошёл немного.
Мышь несёт свой узелок.
Но и ты не хуже.
Твой заплечный узелок –
Может даже туже.
Может, в нем и леденцы,
И бутылка колы.
То, что прятали отцы
От семьи и школы.
Может, чипсы там внутри,
Где сметана с луком.
И пельмени, посмотри,
С чавкающим звуком.
Мышь несёт свой узелок –
Без мечты о вкусе.
Вот и ты тащи, милоч.
Господи Иисусе.

15.9.2018

Нас, играющих на гитаре –
Пощади на людском пожаре.

Слабо дергающих струну –
Поддержи, не пусти ко дну.
Нас, опробовавших свой голос –
Отдели от других на волос.
Кто умеет писать стихи –
Из воды пусть выйдут сухи.
Те, кто приберегает блокноты
Или чертит там грустно ноты,
Может, и глуховаты к себе,
Но отчаянно служат судьбе.
Позаботься о нас, подруга.
Ветер севера, ветер юга –
Рвёт одежду, сечёт лицо.
Подари же ты мне кольцо –
То, что будет хранить разиню.
Он же ищет анестезию....
Он живёт себе меж людьми,
Без защиты и без любви.
Но, когда он струну охватит –
Он же сразу за всё и платит.
Пожалей, последний разок.
Напоследок и на глазок.

17.9.2018

Как мучить нас – так каждый это может.
Как током, одиночеством пытаться.
Зимой и летом – тормозит и гложет.
Ни лап, ни крыльев – ползать и летать.
Глумиться и терзать, и наслаждаться –
Любой горазд, и низок, и высок.
Нет чтоб остаться, добровольно сдаться...
Скорей в окошко, головой в песок,
И убежать, рывком, как можно дальше.
Трусливый зверь, беги, оле-оле...
Я что угодно. Птица. Рыба даже.
Но скоро тьма наступит на Земле –
Как только я случусь в твоей судьбе.
Беги. Спасайся. Думай о себе.

20.9.2018

Не похоже, что завтра уж, скромно, лучисто,
Кто-то вскинет глаза и отчаянно, чисто,
Грустным голосом вымолвит: милая, верь,
Что однажды попятится яростный зверь.
Он попятится всё же. По пятницам звери
Переводят дыханье, по крайней-то мере...
Отдыхают. Недельку трудились навзрыд,
А теперь прилегли у родимых корыт.
Может, звери желали другого подхода.
Может быть, в зоопарке стояла погода
Удивительно нежная. ..свет да тепло.
И зверьё развезло, и тебя припекло.
Да, зверьё о своём исключительном месте
Что-то знает. Но мы, лет ещё через двести,
Так же будем бессильны. Печально робки.
Не крутые и сказочные колобки –
Что умели катить и округло смываться.
Их начини колотить – они тут же сливаться.
Научи ты меня, мой дружок-колобок.
Мой браток-голубок. Мой сынок-полубог.
Научи меня – боком катиться.
А не перед лисой суетиться.
Но, как прежде, хитра и пушиста лиса.
И угрюмо глядит колобок в небеса.

22.9.2018

Как биться с самою собою.
Как мучить и как попрекать
Нешуточной старой любовью,
В комодке ль её отыскать...
Ну, шапкой немодной, ну курткой.
Шнурки на ботинках длинны.
Выпиливать пилкой и шкуркой
Историю прошлой страны...
Пытаю себя. И, к несчастью,
Пощады не знаю уже.
... Следи за такою напастью.
Прости себя, хоть и в душе.
Как биться. ... родное, болезненное.

Пощаде себя обучу.
Пока не случилось иное.
Такое, чего не хочу.

24.9.2018

Сегодня, когда у меня внутри
Особенно зло и игриво –
Вспоминаю рывком, на счёт раз-два-три
Своего, моего МонтеКристо.
У меня тоже был свой Кадрус,
Мой личный Вильфор, из ада.
И не робингуд, и не робинкруз,
А старик – аббат и лампада.
Моё загадочное письмо,
За пазухой, бога ради.
Ничто ведь не происходит само –
Ни одной строчки в тетради.
Девушка может родить дитя,
И не уследишь, так всё тонко.
И двадцать с лишним годов спустя –
Своего узнаешь ребёнка.
А ты подныривал за сундучком.
Обучался вкусу, манерам.
Летал как чайка. Ползал ничком.
И стал не морским офицером,
А таинственной птицей и королём,
Властелином подземного зала.
И расстался навек со своим кораблём,
Причалившим у морвокзала.
А что теперь? Ну да, ты артист.
Инкогнито в чёрном велюре.
Самбист, наверное, каратист.
Витязь в звериной шкуре.
И, как только устроится, с тех самых пор,
Что ты рухнул, придавлен лавиной –
Начинает сниться грустный Вильфор,
И Кадрус, почти что невинный.

29.9.2018

Опять я пробежалась по Тишинке...
Бегом – бегом, подобная пушинке.
Легка и узнаваема слегка,
Сама собой, дыханьем ветерка
Неловко пролетая над прилавком,
Подобная русалкам, феям, навкам –
Давай тихонько бусы ворошить,
Цепочки трогать, вазочки крушить.
То шляпку ущипну, одну, с вуалькой.
То воротник пальто невинной шалькой.
То пуговку, то тоненький браслет.
Кому какой достался амулет.
Тут ворох сумок, ярких, гобеленных,
Фарфоровых и восковых вселенных –
Галактики, миры, театр, кино,
По полочкам стоящие давно.
Каменяшки, богемские гранаты.
Да будь ты хоть железо, хоть стена ты –
Всё хочется ощупать, всё забрать....
Хоть третий глаз пищит тебе: не трать!!
А как не тратить? Это не бесплатно.
Когда кругом камня, многократно
Желанье к жизни чувствуешь, втройне,
Как бы на Марсе или на Луне...
Люби меня за дело, барахолка.
Я тут на месте. Я твоя иголка.
Я пуговка. Цепочка. Я звено.
Я из земли растущее зерно.
Вы мелочи... вы рифмы и куплеты.
Колечки эти, броши и браслеты –
Поэзия измученной Москвы,
Ни разу не поднявшей головы.

30.9.2018

Если б не было помощи высшей –
Жизнь была бы решительно лишней,
И никчемной, и безобразной,
Предсказуемой, просто праздной.
Если б не было помощи, слушай,

Ювелирно отточенной, нужной.
Разве можно управиться с птичкой,
Не с отверткой же, не с отмычкой....
Что ты можешь без помощи, детка.
Без смычка и без струн – только дека.
Деревяшка, пустышка, фанера.
Если музыка – значит, вера.

13.10.2018

Но вот это дыханье на грани,
На границе угрюмой ночи,
Сколько было надежды в кармане –
Да нисколько, как света свечи.
Вот послушай, дружок, музыканта,
Что поёт на скрещении дорог –
Хоть не мастера, но практиканта,
Что готов за стакан да пирог
Разрывать темноту и пространство,
Понимая, что мир – инвалид.
А любительское музыкантство
Вдруг поднимет да и исцелит.
Пусть поёт, эта здоровая нота –
Может ключ, может ржавый замок.
И скрипит, и волнует кого-то –
Кто уснуть на границе не смог.

13.10.2018

Тоскуешь – ночь без сна, зимой – без лета.
Не знаешь – как устроить шар земной.
Судьба обыкновенного поэта,
Того, что отделён одной стеной
От женщины, ребёнка и мужчины.
От рыб и птиц, амфибий и слонов.
Бедняга. Инородец без причины.
Злосчастнейший просматриватель снов.
Но сны – они являются не сразу
Из глубины. Такой наступит день,
И различаешь – что не видно глазу,
Хоть ты очки подводные надень.

Тогда из самой мглы придёт наука
Раскладывать и складывать слова –
И всматриваться в тень любого звука,
И вслушиваться, кругом голова...
О чем же я тоскую, бедолага,
И тру переговорное стекло...
Вот телефон, блокнот, твоя бумага –
Смотри свой сон. Пиши « мело – мело».

15.10.2018

Она полуживая и он полуживой.
Уже не успевая – склониться головой.
Ни самолёт, ни поезд, объятия не в счёт.
Они в воде по пояс. Вселенная течёт.
И вот же, полуживы, стоят в календаре,
Ни капли не фальшивы в каком-то октябре,
Ни холодны ни жарки, осенние пальто,
Как дети в зоопарке, предчувствуют зато –
Что вот оно, зимовье. Не детский миф и блеф,
А жалкое здоровье одной из королев.
И шёпоты и крики и влажные глотки.
И всякой вероники бумажные платки.

16.10.2018

Пой, азнавур, барышников, танцуй же.
Вполне себе – прощай, двадцатый век.
Да, неуютно. Было бы не хуже.
Пока ещё художник-человек
Поглядывает в камеру оленем,
Толкает мир пружинистым коленом,
Худых лопаток небольшой озноб
Да выпуклый, какой-то школьный лоб.
Вот песенки, запомнились со слуха.
А вот танцовщик, высший консул духа.
Я думаю – он вроде пеликан.
Хотя среди людей не великан,
Но птица длинноногая, ей богу.
И этот носорот подобен рогу.
А с тонким удивительным лицом –

Всё носится, как курица с яйцом.
А я ни петь, ни танцевать не стала.
Хоть песенка взошла – но не блистала.
Один уже далёко на звезде.
Другого тоже не видать нигде.
Как стану жить. Как пусто пеликану...
Грудь разорву на фарш иль просто кану.
Куда я дену песенки мои.
Бери, дитя, кусок. Глотай, лови.

27.10.2018

Меж тем... они зовут и тянут.
А ведь они-то врать не станут.
Они зовут. Как никогда.
Передо мной лежат страницы.
Под пальцами дрожат ресницы.
И я рыдаю без стыда.
Ты, стыд. Тебе откуда взяться.
Не церемониться, не мяться –
Ты обучаешь в тот же миг –
Как только человек несчастный,
Страданию, боли сопричастный –
Себя на краешке настиг.
Нашёл себя. Стоит на крыше.
Под ним ничто. Ничто и выше.
Стоит и плачет, гол и бел.
Не кошка, та покрыта шкурой.
Не пёс – бродяга с мордой хмурой.
А дитяtko – чью колыбель
Ещё вчера судьба качала.
Свидание не назначала
На крыше мира, боже мой.
Но вот назначила. Раздеться
Потребовала. И не деться
Уже отсюда. И домой
Не убежать с той самой крыши.
Да мы же сталкивались? Ты же,
Ты обещала – никогда
Не раздевать меня без страсти,
Не отдавать меня той власти,
Где нет ни капельки стыда.

А вот опять зовут. И крыша,
И голый свет. И я, не слыша
Ни звука, кроме тишины,
Одна шагаю по наклонной
В моей вселенной чёрной сонной,
Где людям люди не нужны.

16.11.2018

Оттого что язык к языку привык,
Невозможно вспомнить иной язык.
Оттого что примерз и присох дурак,
Как его оторвать – никак.
Я ещё не видела Першерон,
А хотела объехать со всех сторон.
Мне всего лишь снилась во сне Дордонь –
Мол, я тут, протяни ладонь.
Оттого что язык примерз к языку,
Я на правом сплю на своём боку.
Потому что в левом – печёт, печёт.
Там-то самая жизнь течёт.
Ну и что там, скажете, с языком
Или просто с горлом и кадыком.
Уродился, вспомнил, где кислород.
Пусть живет себе, нищеврод.

19.11.2018

Мне приснился Зиновий Ефимыч Гердт
Как наш общий папа, как дважды два.
Говорит: заходи, я ничуть не мёртв.
Поиграй со мной в буримэ, в слова.
И лежит на коечке всех времён,
На такой железной, худой, складной.
И не помню я этих коек имён.
Но лежал там Гердт, человек родной.
Расскажи про осень – он говорит.
Как там наше дерево – всё горит.
Я не помню – кто у нас городской....
Хорошо б не с шашкой – а с головой.
Он лежит на коечке. Есть матрас.

Как бывало, тощ, полосат и плох.
Я зачем-то зашла к нему в этот раз.
А была-то лишь раз у него, мой бог.
И небрит. И конечно, ростом с дитя.
В этой чёртовой маечке бельевой.
Как бы общий что ли отец мировой.
После той мировой – все сто лет спустя.
Заходи, садись. Где ты там теперь?
Говорит и всё так же робко глядит.
Я не знаю где. Верх и низ и дверь.
Редко ночь покоем и наградит.
Сядь на край на койку, а ближе – нет.
Не по форме всё-таки я одет.
Не годится, что самая суть болит.
Ну и Таня мне не велит.
Говорю ему: я зайду ещё,
Тут у нас буримэ, ноябрь на дворе.
Он не слышит. Худенькое плечо
У джордано – что на костре.
Береги – говорит он – поленья слов.
Ещё грянет страстное время огня.
Мы увидимся посередине снов.
Ты моё дитя. Не оставь меня.
И смотрел этот хрупкий московский дед.
Обнажён и болен. Готов и нет.
За тюремным окном подступала Москва,
Та, что вечно во всём права.

20.11.2018

Хорошо, что ты есть у меня, сынок,
Без тебя ни шага.
Без тебя я была бы без рук без ног,
Чистая бумага.
Без тебя я была бы – гитара шнурок,
Полевая сумка.
Без тебя я – омлет, или тост, сырок,
Только часть рисунка.
Грубоватое зимнее полотно,
Как в Москве природа ,
Где в стене окно, а в доме темно,
Что ни время года.

Хорошо, что ты есть, сынок, у меня,
Мы клубок и спица,
Мы чуть ни разминувшись средь бела дня,
Как птенец и птица.
Хорошо, что один. Или даже два.
Или всё же три. Или там и дочка.
Как же я была бы без вас жива.
Полая оболочка.

24.11.2018

И увидела я в этом старом саду
То, что редко бывает и на виду.
Там цветы на камне, в кустах шипы.
Я иду поперёк тропы.
А кривая тропа как-то вниз и вниз.
Вот и море близко, приснись, сомкнись.
Под водою тоже – дома, стада.
И стена – из камней гряда.
Никаких людей, только шелест рыб.
Колыханье вод или тренье глыб.
Но и дудки голос, худой и злой,
Проникающий в грудь иглой.
Только этой дудки ночная выпь,
Одинокий голос способный выть,
Человечье пенье же ни к чему,
Не по сердцу не по уму.
Я стою на грани, почти в воде.
Ни на суше ни в море, уже нигде.
Затонувшие вижу я города,
Не всплывут теперь никогда.
И тогда я последним уже рывком
Возвращаюсь в сад, где дом под замком,
И стою, и скребусь у дверей – жива.
Разбираю в сети слова.

25.11.2018

И погасят мне этот мой новый свет.
И опять окажется – света нет.
И я поплыву, гоня облака.

А дорога-то далека.
Но, похоже, приходится плыть и плыть.
У людей называется – жить да жить.
Хорошо, что гитара. Ещё и пёс.
А всё прочее – то вопрос.
Как мне нравятся запахи старины.
Как они мне отчаяннейше нужны,
Те свинцовые фото, где юный дед
Зажигает свой первый свет.
Да и бабка тоже – вперёд, в Москву...
Поднимает буйную голову.
На Собачьей площадке источник бьёт,
Там семья-то вся и живёт.
Не гасите, пожалуйста, первый свет.
Не топчите, помилуйте, первый след.
По нему и найдёмся ещё в ночи,
Приплывём как на свет свечи.

26.11.2018

Если уж ты доберёшься до берега –
Дикое дерево светит во тьме.
Не догадался бы – что это дерево,
Если б не шорох в его бахrome.
Если б не тонкие мышцы летучие,
Их перепонки, дурной коготок.
На берегу были разные случаи,
Там до сих пор шелестит хохоток.
Только пройди меж кустами – колючками,
Чьи до сих пор багровеют шипы.
Как меж дверными старинными ручками,
Как меж камнями неровной тропы,
Той, что петляла, но всё-таки выткала
Скромный рисунок, холщовый платок.
Той, что из девушки кровушку выпила –
Раз уколол её под локоток.
Если уж ты доберёшься до берега –
Видишь, как тихо качает плоды
Дикое дерево, старое дерево,
Телом склонившись у самой воды.
Что тебе юркие звери летучие.
Что голоса из любого гнезда –

Выглянет молча луна между тучами.
Выйдет над морем царевна – звезда.

26.11.2018

И откроется небо – давай, беги.
Ничего, что темень, кругом ни зги.
У тебя с собой есть твои фонари,
По карманам-то посмотри.
И откроются двери – вперёд, вперёд.
Ничего, что народ по дороге мрёт.
Ничего, что ты странно астрально одна,
Будто – как там – в ночи луна.
И открою ноты: и ну писать,
Торопиться знаками рассказать –
Там скрипичный – басовый – знак ключевой....
Для того, кто ещё живой.
Хорошо, что я знаю второй язык.
А могла быть ни женщина ни мужик.
И жила бы без книжек, без струн, без нот.
Вот народ – уж мрёт, а живёт.
Не летаешь в небе – всё пустяки.
Не узнаешь боли – забудь стихи.
Открывай пространство своим ключом.
Всё по силам. Всё нипочём.

Евленья ВИНОГРАДОВА

Виноградова Елена (Евленья) родилась в 1962 году в Великом Устюге. Окончила Московский текстильный институт, факультет прикладного искусства, затем в родном городе – художественное училище по классу «Резчик по дереву». Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «Нева», «Алтай», «Двина» и др. Живёт в Великом Устюге.

Есть авторы, поэзия которых обладает замечательным и очень ценным, на мой взгляд, свойством. При прочтении таких авторов создаётся ощущение, что они не придумывают, не синтезируют слова, фигуры речи или эффектные метафоры. Каждое их слово сродни дыханию, всё рождается и происходит словно бы само по себе, совершенно естественным образом. Но в такой вот безыскусности, может быть, и заключена какая-то высшая правда искусства. Евленья Виноградова относится как раз к числу таких поэтов. Её стихи – это

не набор различных текстов, но длящийся, живой и, зачастую, исповедальный разговор с читателем, как с близким и понимающим человеком.

О. Г.

* * *

Продам родительский очаг,
нехитрый скорб раздам по вещи.
Лекарство выпив натошак,
сорвусь туда, где море плещет.
Там в октябре под двадцать пять,
там люди в ярком кормят чаек.
Там страсть не держат на цепях
и виноградным привечают.
А здесь печурка внедогляд,
роняя головню на щепки,
нет-нет да треснет, коль палят
одну берёзу в холод крепкий.
И ты сидишь себе, следишь, –
сомлев лицом, – за огоньками,
колени обхватив руками...
... И никуда не убежишь, –
не пустит под порогом камень.
Его мой дед ещё, кажись...
...Какая ни на есть, а жизнь, –
....дарованная стариками...

* * *

...вот оно и произошло – блаженное касание
горячей ступнёй студёной почти нежилой половицы.
Благодарствую, дом, за искусственное дыхание.
Слава Богу – не снится...
Вот и кукушка... (кукушка и в городе?)
над прозрачною ночью, над буйством сирени повсюду.
Мой подоконник спросонья так холоден...
Кукушка-кукушка, ещё немного – и ты
превратишься в зануду
со своим кукушиным пророчеством... я без вопроса.
Ты испорчена, на тебя много людского спроса,

но ты успокойся...
на что мне их стая сорочья?..
Я одинока и простоволоса,
уже отправляюсь к туманной реке
с золотым паромом.
Его жёлтая охра от долгого солнца
пошла пузырями на рейке.
Туман пишет свою акварель по-сырому.
Я раздвигаю ветки прибрежных тугих черёмух.
Я побывала, – шепчу им, – в большой переделке
и стала почти что ремейком...
Только бы эти волны, вспугнувшие стерлядь
от самой лески
в приходящей и уходящей воде,
не вспугнули... (да разве спугнёшь кукушку
у моей занавески?)
Поющая, мне не важно – сколько,
зато мне известно – где.

* * *

Другой, но всё же вновь поводырём
снег вышел из небесного закута.
Такой хороший! – Хочешь, заберём
его на двор, весна придёт покуда?
Сведём знакомство со снеговиком –
пускай по-свойски с непоседой-сойкой
следит за нами с высоты веков
чудак бокастый – весело и стойко.
А если кто холодный и чужой
придёт нарушить чудную обитель,
он вьюгою отвадит, как вожжой,
а нас ничуть при этом не обидит.
Он будет вольно жить – без поводка
и без ошейника гулять в округе...
Он чутким нюхом будет знать, когда
мы ошибёмся как-нибудь друг в друге...

* * *

На замок навесной закрываю свой дом, –
скажем: домик – на ржавый замочек.

И привычно кладу ключ в привычный проём –
каждый может открыть, коль захочет.

Всякий раз навсегда уйду по коврам
трав, листвы, снегового забвенья...
Ни синицы со мной, ни того журавля, –
из летящих – мне в спину камня...

Но когда припадаю, больная насквозь,
к дому-домику, – к горе-жилищу,
запах времени чую, что здесь пронеслось,
и... робею от слова «Всевышний»...

* * *

Пока река не подо льдом
и осень праздничная длится,
к воде тихонько подойдём...
Глянь, на топляк присела птица!

Мы здесь дожили до седин,
а как нам быть? Что дальше делать?
... Давай на камне посидим, –
ты на большом, а я на белом.

Смотри, туманный берег тот
стал ярче, ближе и доступней.
Да, время... жизнь своё берёт, –
сегодня гладит, завтра стукнет.

Не будем думать о плохом,
и говорить о нём не будем.
Сидим на валунах верхом,
а осень в речке воду студит...

* * *

Поллюбила б я тихий жасмин,
Плач колодца под песню калитки,
Чай с лимоном, уютный камин
В украшение ракушки-улитки.

Полюбила б я кроткий жасмин,
И ночник, и мерцанье лампадки,
И в подвале брожение вин,
Ореол абажурный, и грядки.
Полюбила б я нежный жасмин,
Целовала бы цвет недотроги.
Ворковала бы, тешилась с ним,
...Да репейник стоит у дороги...

* * *

У калитки бабы Кати
снег с мосточков не сметён.
Ух, как годики-то катят!
Дом был строен на житьё
век назад, поди, — не меньше.
Да и Катин век не мал...
Но получена депеша
и убита наповал
жизнью, смертью ли, — не важно... —
унеслась не за моря.
В доме холодно и влажно, —
зря июльская заря
стены гладила привычно,
зря шумел берёзок строй
на вороний окрик зычный
этой резвою весной.
Зря был крыт смолёной толью
углой крыши чёрный горб.
В междурамье плоски солью
(не гнила б избёнка чтоб)
зря белеют, — нет хозяйки.
Краснощёкой Кати нет.
На крыльце метёлки, шайки...
Зря... Зато какой тут свет!

* * *

Сама с собою неустанно
она болтает днём и ночью.
То просит ТАМ за маму Анну,

то над собакою бормочет.
То ей приспичит заругаться
на грязный двор и бездорожье,
на то, что милых восемнадцать
ей возвратить никто не сможет...

Её общение с собою
напоминает шорох рощи.
Там ветви рвутся в голубое,
но, не взлетая, ропщут, ропщут...

* * *

Сияющий камень прибрежный,
с прибором шутя день и ночь,
с рекою общается нежно, —
любое принять он не прочь,
купаясь в объятиях ласки,
пуская круги по воде...

А рядышком из-под фетяски
бутылка в песке. Их удел
смотреть в облака, узнавая
всех тех, кто исчез навсегда...

Машина ль пылит грузовая,
чудесная ль светит звезда, —
всем внемяют бутылка и камень.
Бутылка и камень не спят.
Не надо их трогать руками, —
удел их понятен и свят.

ОТЦУ

Таращишься спросонья на звезду, —
на сочную свисающую сливу
(как хорошо, что сад обрёл сестру
с такою вот судьбой неприхотливой),
и думаешь: напротив той звезды
(и сразу вниз!) лежит живое море.
К нему в надёжном поезде езды

каких-то трое суток. Евпа-то-ри...
Тут засыпаешь... Мальва под окном
во все глаза большие, – взгляд тревожен..
Картофельной грядЫ цветёт сукно, –
с того сукна нашить нарядов можно
на целый год... досытушки носи!
А сон твой крепок, как законы Ома
для замкнутой... в разомкнутой цепи...
Во сне же странном всё тебе знакомо:
вот речка кубом высится, твой дом
чуть выше голени подсолнуха, и мама
у печки в спальне шепчется с отцом
о том, что дочь сошлась с трамвайным хамом.
Но в городе моём трамваев нет, –
лишь детский красный (дзынь!)по Евпа-то-ри...
... Восходит солнца матовый ранет
да друг за другом птица птице вторит.

И нет для глаз ни моря, ни звезды.
На кухню вишня протянула кисти.
И думаешь: без этой вот листвы
соленье огуречное прокиснет.

... Когда отец простреленной рукой
тебя возьмёт до неба да и вызднет¹,
звезда с фуражкой синей ментовской
спадёт на землю вместе с прошлой жизнью...

* * *

Задубело небо снеговое.
На душе, как будто, тоже лёд.
Среди бела дня собака воеет,
и летит тяжёлый самолёт.
Медленно летит и очень гулко.
В брюхе что-то страшное несёт.
И во всех сугробных закоулках
белое безлюдие и всё...

¹ диалектное «вызднет» – поднимет

ДЕБЮТ

Маргарита ПАЛЬШИНА

Писатель, сценарист, лауреат Всероссийского конкурса «КИНО-Хит», Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», Международного фестиваля «Русский STIL» (Германия), финалист Премии им. И.А. Гончарова, Славянского форума искусств «Золотой Витязь», Всероссийской премии «Писатель года», лонг-листер Бунинской премии. Автор четырёх книг прозы, публиковалась в литературных журналах: «Нева», «Новый берег», «Пролог», «Белый ворон», «Сетевая словесность», «Зарубежные задворки», «Млечный путь», «Контрабанда», «Поэтоград», «Гостиная», «Новый Континент» и других.

Маргарита Пальшина дебютирует в журнале с циклом стихотворений написанных в жанре эпистол и обращений к адресанту, с которым многое связано в жизни лирической героини. Для выбора такого жанра, да ещё для достаточно увесистого цикла, требуется изрядная авторская смелость хотя бы потому, что аллюзии на лучшие поэтические эпистолы, написанные со времен Горация и Овидия до наших дней, неизбежны. К тому же, поэтическая эпистола предполагает, на мой взгляд, особые требования к языку – к его строю, синтаксису, насыщенности, особой коммуникативности. Но знаете, цикл Маргариты Пальшиной, при всей его интертекстуальности, это самодостаточные и глубоко авторские стихи, которые, уверен, не потеряются ни в границах своей жанровой принадлежности, ни в общем стихотворном потоке нашего времени.

О. Г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СПОРНЫЕ ПИСЬМА

Здравствуй, я пишу тебе из Парижа.
Знаешь, в дороге далёкий становится ближе.
Нужно, чтоб кто-то шёл рядом незримо,
за руку переводя через тьму меж фонарями
улиц, мостов, площадей,
как через бездны и боль. Неумолимо
время в реке под мостом Сен-Мишель
струится...
Пусть тебе снится,
как жарят каштаны
в столице любви.

Здравствуй, пишу из Праги,
из последнего дня зимы.
Здесь потеплело, как теплеет память
в майские дни,
где мы были когда-то одни
в целом мире.
И городские стены хранили
наши тени, а мостовые — шаги.

Здравствуй, пишу из Венеции, а впереди
меня ждёт Неаполь.
Чёрные гребни, хвосты аква альта Минотавром
кружат и змеятся в лабиринтах улиц Судьбы.
Я заблудилась, влюбилась, но осталась верна пути.

Здравствуй! В Неаполе
вид на залив не обещали,
но мне сказали,
что отовсюду виден Везувий.
Здесь альбатросы его заговаривают
на птичьем древнем своём языке.
Скажешь, безумие,
но я пишу: каждому городу нужны маяки
memento mori,
чтоб не сбиваться с пути,
проживая по мерке чужой свои дни.

Смерть уравниет всех в чёрном,
но, пока живы, мы разноцветны и разнолики,
нетерпеливы и злы,
как дикие звери,
не прельстившиеся и не пресытившиеся за запертой дверью
куском неволи.
Словом, желаю тебе от души:
Пусть будут дни голодны!

Здравствуй, я пишу тебе, откуда уже не пишу.
Ты не поверишь, но и здесь зацветают вишни.
Город над морем — из моих снов:
комнаты без номеров, дома без заборов, душа без оков.
Лишь ветер воет ночами
за окнами — и пустота за плечами.

Здесь одного не хватает – тепла руки.
Напиши!

Впрочем, не стоит вечность тревожить,
просто кивни,
что будешь счастлив в дороге на свой край земли.

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Розовое вино...
в осколках бокала.
Снилось, мы пили его
на маленьком острове в Греции.
Или в Венеции у Большого канала?

Ты говорил, я молчала.
Я писала, ты рисовал.
Математика жестов,
магия взглядов
не дают ровным счётом нам ничего.

Мне бы хотелось жить с тобой в большом городе,
чтобы потом переехать в другой квартал
и чтобы мосты разводили ночами.
Или на маленьком острове,
чтобы сесть в лодку и уйти в море внезапно
сёрфером по волнам
вдохновения.

Случайные совпадения, проникновение
и – падение.
Отрекаются всё же любя,
но прощаются навсегда.
На расстоянии лица светлее, глаза прозрачней.

Я скучаю
как тысячу лет назад,
как тысячу раз подряд.
И мне тебя одного достаточно.
Ты – моё вечное возвращение.

В РАЗЛУКЕ

Столько воды утекло с тех пор, как мы расстались,
что обмелели все реки в краю нашей памяти.
Но туда в любой день мы можем вернуться – не возвращаясь.
Жду тебя, как обычно, на площади у фонтана,
под городскими часами,
чья стрелка замерла в 3.30 –
– треугольник прощания.

Я не знаю,
Где ты сейчас. Там, где я,
молятся на чужих языках
и зажигают свечи, как лампочки – не от свечи, от монеты.
В лампочках вспыхивает страх разбиться
о гранит или кафель.
А в чужих домах без причины хочется плакать.

Каждый из нас в разлуку
взял у другого муку
неосуществимых желаний.
Ты искал мастера, а значит, смысл и предназначение.
Я жила под дамокловым мечом времени
избранных, мечтая
о безграничной свободе перелётных птиц.

А сейчас вглядываюсь
в почти твой портрет на афише, пред которым прохожие падают ниц,
или в мозаику лиц
всех первых встречных, случайных,
способных развеять скуку,
но не унять тоску, не излечить от отчаяния.

Всё-таки нужно что-то иметь за плечами.
След на песке...
Море – вечность, душа – лодка на привязи у причала.
Не отпускай меня!
(одну в темноту).

МИМОЛЁТНО

Дорога – средство борьбы со временем.
Новые впечатление – долгие дни.
Наши пути – зигзаги разлуки, лучи одинокой звезды
над морем, чьи волны всегда повторение
друг друга. И света. И тьмы.

Кто мы,
живя в цифровую эпоху?
Digital photo в Facebook?
Айвазовский писал синеву
моря маслом,
9 метров оттенков, более суток.
А потом от усталости падал на пол
– и засыпал.
(Ибо живопись требует сил).

Мы море щёлкаем, как нугу,
24 кадра в секунду.
И стираем ненужные чувства, как зимние шины,
Счастья нет потому,
что живём не взахлёб, а мимо
(лётно).

Раньше люди письма хранили,
как драгоценности
в шкатулках из красного дерева,
запирая любовь на замок.

И теперь они живы внутри картины,
а мы умрём.

ТЕНЬ НА ВОЛНЕ

Тень на волне – пейзаж, нарисованный солнцем.
Человеческая фигура отчего-то всегда помеха картине.
Жаль, что уже не придётся
писать тебе между строк.
Белый парус всегда одинок,
как пустая страница.

Солнце садится,
плывёт теплоход,
летит птица...
Столько стихов
нигде более, наверное, не родится.

Я машу рукой вдаль. Не тебе – *по тебе*.
Так делает человек,
который тщится
забыть.
Но не в силах.

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПРЕДЕЛОВ

«Целеустремлённость» –
– слово из резюме смертного.
Пугает меня, как ребёнка тьма в углах спальни.
Мёртвые лишь достигают цели,
живые – в поиске и в пути.

Часы и календари – держава и скипетр
Танатоса, его молот и наковальня.
Но если никто ты, то может, удастся ускользнуть незамеченным.
И я умножаю на ноль бесконечность.
Пишу: «Неопределённость
пределов».

Так дети прячутся под одеялом.
Так от прямого ответа уходят всегда по-английски.
Все знают:
в сердце – потерянный рай,
край земли – могила.
Без креста, но мне простится
за то, что превыше всего ценила
пищу для глаз и ума.
За то, что любила.

ГОРОД СЧАСТЬЯ

Записала на диктофон птичьи голоса,
чтобы научилась петь моя канарейка.

По весне птицы свили гнёзда под окнами,
а она умерла.
На подоконнике в запертой клетке.

Когда-то я различала птиц по голосам,
а сейчас не помню названий...
Тропинка без очертаний
сквозь виноградные лозы ведёт напрямик.
Но никто об этом не знает:
машины сворачивают на объездное шоссе.

– Что ждёт героев сказки в конце?
– Будущее станет прошлым.
Тропинка карабкается в город спящих.
В изголовьях гор и холмов – таблицы
счисления не лет, а мгновений счастья.
Живи настоящим!

По весне мне не спится.
Чуется, заждались меня там,
в городе виноградного солнца.

Кирилл Василёнок. «Целующиеся».